

Примечания

1. Железная дорога между Москвой и Петербургом называлась Николаевской (была проложена по распоряжению Николая I), а Московский вокзал в Петербурге — Николаевским. При Николае II в центре привокзальной площади была поставлена конная статуя Александра III работы скульптора П.П. Трубецкого. После октябрьского переворота на пьедестале памятника выбили крупную надпись: "пугало". Анекдот относится к тому времени, когда памятник Александру III еще не был убран с этой площади, а перед Финляндским вокзалом уже стояла статуя Ленина на броневике. См. также № 9.

2, 3. Заборными книжками называлась ранняя разновидность продовольственных и промтоварных карточек.

6. Согласно Библии, пророк Моисей вывел из Египта плененный там древнееврейский народ в Палестину.

8. Г.В. Чичерин — народный комиссар иностранных дел в советском правительстве с 1918 по 1930 г. Был членом ВЦИК и ЦК ВКП(б).

23, 24. Имеются в виду революционные матросы, носившие брюки "клёш".

29, 30. На поле рукописи собирателя против этих двух частушек — его помета: «Реплика (исполнителя): "Эти уже отошли"». К тексту № 30 есть вариант среди записей А.И. Никифорова 1926 года в Заонежье (ф. 747, оп. 1, ед. хр. 106, л. 306), имеющий отличие в последней строке: "Комиссарам крышка".

36. Имеется в виду приспособление для измерения человеческого роста. Намек на обычные перед мобилизацией измерения роста, веса и т.п.

37. Текст, не будучи собственно оппозиционным, выражает критическое отношение к действительности. Более определенно оно представлено в нескольких частушках из скопированной А.И. Никифоровым серии их, которая хранится отдельно в особой тетради (ф. 747, оп. 1, ед. хр. 23). Она озаглавлена: "Частушки, извлеченные из записей крестьянской девушки Души Филипповой в дер. Ильжо Первое (ст. Фандер-Флит Варш. ж.д.)" и имеет помету А.И. Никифорова, датированную 25.VIII. 1934 г.: "Девушка — секретарь правления колхоза "Красное Ильжо". Частушки собрана от девушек для личного употребления". 37 пронумерованных листов заполнены частушками, среди которых есть следующие (указываются порядковые номера их, проставленные в тетради):

8

*Комсомольцы будут свататься,
Так надо выходить:
За ними легкая работа —
По собраниям ходить.*

9

*Хоть миленок и курнос,
Да член в комсомоле.
Он теперь уж стал матрос
На Балтийском море.*

24

*Мой-то милый чернобровый —
Настоящий коммунист:
Обозвал меня буржуйкой —
Затрясаясь я словно лист.*

25

*Милый мой, моя отрада,
Стало мне не по себе:
Научи, что делать надо,
Чтоб вступить мне в ве-ка-пе.*

После чистых листов, на последнем нумерованном листе этой тетради отдельно помещена частушка, записанная в отличие от остальных карандашом (вероятно, с голоса самим собирателем):

*Я в колхоз шла —
Юбка новая,
А с колхоза иду —
По пуп голая.*

СТАТЬИ А.И.НИКИФОРОВА ДЛЯ "СЛОВАРЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТИПОВ"

В.А.БАХТИНА

В начале 1936 г. издательство "Художественная литература" приступило к подготовке двухтомного (100 п.л.) "Словаря литературных типов", рассчитанного на широкий круг читателей. К участию в выработке концепции, формировании авторского коллектива, на редактуру были привлечены крупные специалисты: В.П.Адрианова-Перетц, В.М.Жирмунский, Н.И.Конрад, Н.К.Гудзий и др.

В Словарь должны были войти типы "образов мировой литературы" (Дон-Кихот, Гамлет и др.) и "образы-персонажи" из произведений, хорошо известных читателю (Рудин, Базаров, Катерина и др.). Кроме того, предполагались и общие статьи, например, "Античные герои", "Лишние люди", "Свахи" и т. п. Намеченное "литературное поле" оказалось весьма обширным: античность, западноевропейские и восточные литературы, фольклор и литература народов СССР, русская литература от древности до XX в.

Среди архивных материалов братьев Соколовых сохранился подготовленный ответственными редакторами фольклорной части Словаря — Ю.М.Соколовым и М.К.Азадовским — перечень авторов и закрепленных за ними статей, а также небольшая часть уже выполненных заказов. Интересно, что персонажи подобраны из разных жанров фольклора, в том числе из "отреченных" в то время духовных стихов: рядом с Ильей Муромцем, Василием Буслаевым, Ермаком стоят Соломон-царь, Лазарь убогий, Алексей-человек божий и др.

В авторскую группу входили ведущие фольклористы того времени В.П.Адрианова-Перетц, М.К.Азадовский, Н.П.Андреев, А.М.Астахова, Г.С.Виноградов, Э.В.Гофман (Померанцева), Ю.М.Соколов, А.М.Смирнов-Кутачевский, В.И.Чичеров и др. К сожалению, успешно начатая работа над Словарем не была доведена до конца.

Публикуемые ниже статьи — "Кошеч", "Макар", "Яга" — написаны А.И.Никифоровым. Статьи А.И.Никифорова — это интересный опыт функционально-семантического описания фольклорных образов. Множественные параллели, которые приводит А.И.Никифоров, свидетельствуют не только о широкой известности этих образов в фольклоре, но и о загадочности их истоков.

Современная наука, несмотря на некоторые достижения в осмыслении образов Кошеч, Макара и Бабы Яги, все же остается пока на уровне гипотетических предположений об их происхождении и развитии. Более всего из этой триады повезло Макару. На основании материалов, записанных в Полесье (уникальной архаической зоне), выявлена связь фольклорного Макара с обрядом вызывания дождя¹. В засуху в Полесье бросали в колодец зерна мака, приговаривая: "Макарка, сыночек, вылезь из воды, разлей слезы по святой земле!" Таким образом, Макар связан с маком и одновременно символизирует утопленника².

По-прежнему загадочным остается для науки образ Бабы Яги. По мнению О.А.Черепановой (долгие годы изучавшей народные диалекты в другой заповедной зоне — на Русском Севере), в настоящее время стало очевидно, "что ни чисто лингвистический подход, ни сугубо фольклорно-мифологический подход не дадут желаемого результата" при попытке раскрыть смысл образа³. В работе О.А.Черепановой дается обзор литературы, разъясняющей этимологию элемента "Яга", приводятся параллели в разных языках, представлен перечень народных наименований Яги в регионах Севера, в фольклоре восточных и западных славян.

Придерживаясь теории о семантической и этимологической связи Яги со змееподобными существами⁴, О.А.Черепанова указывает и на иные ипостаси образа Бабы Яги: лешачиха, полудница, ведьма. Интересно, что А.И.Никифоров, подчеркивая историческую многослойность образа, выделяет в качестве древнейшей его основы две характеристики: Баба Яга — пряха и Баба Яга — людоедка, богиня леса, мать зверей. Эти смысловые акценты образа требуют дальнейших разысканий.

Генезис образа Кошеч, известного фольклору многих народов, неясен. В древнерусском языке это слово имело два основных значения: пленник, раб и человек, ведающий лошадьми в дружине князя (из тюркского)⁵. В говорах кошем называется худой, тощий человек или скряга. Встречается в говорах и древнее сопоставление Кошеч со сказочным змеем (например, в Архангельской области)⁶.

Оригинал статей (ЦГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3436, л. 87–96) представляет собой машинопись (2-й или 3-й экз.) и находится в папке среди других материалов, относящихся к Словарю. В том же деле помещены и иные по содержанию документы.

Публикатор оставляет без изменений сокращения А.И.Никифорова, цитаты из литературных и фольклорных текстов, указания на их источники, а также постатейные списки литературы. Разрядка А.И.Никифорова сохранена, а черта под словами заменяется на полужирный шрифт. Пунктуация и орфография приближены к современной норме.

Примечания

¹ См.: Толстой Н.И., Толстая С.М. Заметки по славянскому язычеству. I: Вызывание дождя у колодца // Русский фольклор. Вып. 21, 1981. С. 91.

² См.: Судник Т.М., Цивьян Т.В. Еще о растительном коде основного мифа: мак//Balcano — Balto — Slavica. Симпозиум по структуре текста. М., 1979. С. 99–103; см. также: Толстой Н.И. Блаже-Макарий // Македонски јазик. Год XXXII–XXXIII. Скопје, 1982. С. 677–687; Топоров В.Н. Др.-греч. Макар, Макариос и под. (Marginalia к статьям о маке и вызывании дождя) // Balcano — Balto — Slavica. М., 1979. С. 39–46.

³ Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 100.

⁴ См.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 40–42; Лаушкин К.Д. Баба-яга и одноногие боги // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 181–186.

⁵ Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". Вып. 3. Л., 1969. С. 15–18; Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 7. М., 1980. С. 398.

⁶ Словарь русских народных говоров. Вып. 15. Л., 1979. С. 159.

КОЩЕЙ. МАКАР. ЯГА

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ, кашей, кошшей, кошшуй, ковшей, кош — образ фольклорный, хорошо знакомый л-ре. Ср. А. Пушкин: "Там царь кошшей над златом чахнет" ("Руслан и Людмила") или Некрасов с подчеркнутым социально-классовым моментом: "брал с родного, брал с убогого, слыл кашеем мужиком" ("Влас"), Жуковский и др. Пушкинский Черномор в общем верно представляет этот образ.

Волшебник страшный Черномор —
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор.

Образ К. свойственен прежде всего сказке. В русской сказке сам К. почти не характеризуется. Лишь изредка на него переносятся, по-видимому, свойства других сказочных персонажей. К. "летает", иногда "уезжает на войну", у него "кувшинец о 12 рылец с напитками, хоша он не дуж, а хитер. Кругом его огненное пламя горит, никто к нему не может подъехать — сгорит в огне", у него есть тулуп "летом холодно, зимой жарко", иногда К. заключен под замком на цепях или "на одной волосинке", и герой его случайно освобождает, а К. похищает красавицу, или жену, или мать героя. Это похищение красавиц — довольно стойкий признак Кашея. Но, по-видимому, все эти черты все же более новые. Нов также и перенос имени и образа К. в былинину, где в этом образе олицетворяется враждебная богатырям иноплеменная — сила, гл. обр. татары. Ср., напр., в печорской былине об Илье:

Как приехал Ковшей да в чисто поле,
Нагонил нонь силушки премножество:
Поперед-то его да сорок тысячей,
По праву его, собаки, да сорок тысячей,
По леву руку, собаки, да сорок тысячей,
Позади его да числа-сметы нет.

Гораздо древнее и органичнее связан с К. мотив души великана, находящейся вне тела. Этот мотив один из самых древнейших фольклорных мотивов. "На море на окияне есть остров, на том острове дуб стоит, под дубом сундук зарыт, в сундуке заяц, в зайце утка, в утке — яйцо, а в яйце — моя смерть", "моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоры, та кокоры в море плавают", или "смерть его на конце иглы, та игла в яйце" и т.д. Так К. объясняет своей жене, которая выдает тайну герою, герой добывает смерть К. и умерщвляет его. Иногда герой сказки сжигает К. на костре и пепел его пускает по ветру.

История образа К. чрезвычайно темна. Долго в науке этот образ толковался как мифологическое олицетворение метеорологических явлений природы, как демон иссушитель дождевой влаги, представитель темных туч на небе и т.п. Но в настоящее время это толкование, как произвольное, оставлено. Генезис же образа, равно как и его история, остаются невыясненными. Уже самая этимология слова К. допускает много толкований, начиная от др.-египетского названия племени КУШ и до др.-русск. Кашей — смерд, подлый раб (ср. в "Слове о полку Игореве": "ту Игорь князь выседе из седла злата, а в седло Кошнєво") и до новейшего крестьянского понимания К. от кость — изможденный, худой, скряга, купец, ростовщик; кашейка-старуха. Самый мотив души вне тела очень широко распространен и известен, кроме русских сказок, еще в сказках норвежских, саксонских, кельтских, итальянских, греческих, кабилских, арабских, индусских, малайских, монгольских, татарских, мадьярских, славянских и т.д. С другой стороны, он встречается в тексте древнейшей из известных сказок — в египетской сказке "О двух братьях", т.е. за 14 веков до нашей эры. Но он известен также у народов яфетического Кавказа, напр. в мегрельской сказке о Герии, побеждающем всепожирающего кабана: из последнего выскакивает серна или

лань, из нее ларчик, из него три ласточки, одна из них и есть душа Уа-мурицхала — мегрельского Кашея. Эти факты показывают, что образ К. очень древний и объединяет каким-то образом фольклор Афреварии. Указание же акад. Н.Я.Марра на связь яфетического К. с понятием астрономическим, с понятием мага, звездочета и с птицей грифом еще более усложняет проблему генезиса этого образа, относя его к стадии древнейших представлений человечества. По функции своей К. — злое существо, враждебное человеку, отличающаяся в этом отношении от бабы-яги (см.), которая несет двойственные функции доброго или злого существа, смотря по обстоятельствам. С К. смешивают (напр., пушкинский Черномор) другой сказочный образ — старика "сам с перст — борода семь верст". Это — карлик, обладающий большой силой, но все же генетически с К., по-видимому, не связанный.

Литература

Bohte-Polivka. Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen br. Grimm III, 1918, S. 431-433; Афанасьев. Русск. нар. сказки, № 93; В.М.Викентьев. Др.-египетская повесть о двух братьях. М., 1917; Н.Март. Ossetica, Japhetica (Азиатский сб.), 1918, стр. 2069-2100 и 2307-2309; Н.Бродский, Н.Гусев, Н.Сидоров. Русск. устн. словесность. Л., 1924, стр. 104; Polivka G. Doketbrada. (Збірник Заходознавства, II, стр. 89-96).

МАКАР — образ бедняги, неудачника, употребляется охотно л-рой. Ср. Некрасов: "Чу! Тройка тронулась опять!" Гремит, звенит и улетает, куда Макар телят гоняет" ("Еще тройка"), М.Салтыков (г-да Молчалины) и др. В фольклоре образу М. свойственны несколько оттенков, выраженных в пословицах и поговорках, причем все они имеют острую социальную заостренность. То М. — **МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЕДНЯК**: "не рука Макару коров доить", "Макара два раз не женят", "Комар да мошка, Макар да кошка". То это **БЕДНЯГА, ОБРЕЧЕННЫЙ ВСЕ ТЕРПЕТЬ**: "На бедного Макара (все) шишки валяются". То поговорке придается **РЕЛИГИОЗНЫЙ ОТТЕНОК**: "На грешного Макара шишки летят". То М. — объект явной **ИРОНИИ ВЫСШЕГО КЛАССА НАД НИЗШИМ**: "Доселева (вчера) М. гряды (огороды) пахал (копал), а ныне М. в воеводы попал". Иногда с этим образом связывается оттенок безнадежности: "Отправиться, куда (слепой) М. телят не гонял", "Я тебя к макарным телятам спроважу", "Писано, переписано у Макара Денисова, писал Макарка сухим (пустым) огарком о стол опёрши, глаза запёрши". То М. — хитрый мошенник, например в сказке о победителе змея (Аф., 104) плешивый и косорукий Макарка присваивает себе победу над змеем героя сказки. Впрочем, очевидно, по закону контраста сказка знает также и Макарку Счастливого (Афанасьев. Русск. нар. сказки, № 66), но этот образ не имеет широкой популярности.

Происхождение образа М. неясно. По Далю, М. — прозвище рязанцев, особенно кадомцев. Макарами назывались откупщики, плуты, лицемеры, в Сибири — простаки: "Подпустить Макарку" — сплутовать; Макарыга, Макарьевский нищий (Псковск., Тверск.) — наглый, неотвязчивый попрошайка. Существуют и сюжетные рассказы о М., напр., будто Петр I встретил однажды среди рязанцев сразу несколько Макаров и шутил сказал: "Будьте вы все Макарами!" Возможно, что имя М. стало популярным не без влияния др.-русской письменности, в которой существовало несколько рассказов о разных Макариях, пустынных, блаженных, путешествующих в земной рай и т.п. Большинство этих древних Макариев (от XIII и XIV вв. и позднее) — бедные пустытники и бродяги.

Литература

В.Даль. Толковый словарь. Т. II.

ЯГА, ега, баба-яга, Ягишна, Ягинишна, Егонишна, Ягиница, Ягабова, Егабова, Егибова, баба-каргота (польск. *jeźda*, словац. *jenzi*, чеш. *jezibaba*, санскр. *ahī*, греч.-лат. *lanu*, немец. *Bertha, Hulda, Holle, Eisenbertha*, восточн. Шамус-баба, финск. *ciēmper*) — действующее лицо сказок разных народов, весьма хорошо знакомое и л-ре. См.: А.Пушкин: "Там ступа с бабою-ягой идет-бредет сама собой" ("Руслан и Людмила"), Жуковский ("Сказка о Иване царевиче"), Островский: "Я — баба-яга, а ты как думаешь" ("Сердце не камень"). Действ. 3). Писарев: "такие беспардонные буяны — не что иное как баба-яга, выдуманная катковскими и скарятинскими журналами" ("Посмотрим", гл. 5), Гладков: "Впереди старуха облика бабы-яги, а две позади молодые босяцкого вида" ("Цемент") и др. Древность образа яги засвидетельствована памятником XII в., по которому в 1200 г. был в Новгороде посадник, прозвищем "Ягиниц". Наиболее част этот образ в сказках типа "Ивашка и ведьма", "Мачеха и падчерица", "Василиса прекрасная", "Чудесное бегство", "Солнцева сестрица", "Бычок спаситель" и др.

Исторический образ яги очень сложный. Самый верхний, новый культурно-исторический слой образа яги в фольклоре знает несколько разновидностей: это или красавица-чертовка, обладающая соблазнительной силой (нем. Гольда, рус. Яга), или сатирический персонаж русских лубочных картин XVIII-XIX вв., связанный с шутивными темами женской хитрости, изворотливости и проказ, или баба-яга — эквивалент былинного змея, с которым в былинке борется Добрыня Никитич, и залесная баба, предсказывающая Васье Буслаеву гибель, или это ведьма — продукт наслоения средневековых суеверно-религиозных представлений, или, напр.в Приуралье, русские до революции в виде яги олицетворяли своих финно-угорских соседей, или, наконец, это литературно-художественный портрет новой немецкой детской сказки, портрет, выписанный детально. Яга здесь — старая безобразная сухотелая старуха с трясущейся головой, красными глубокими глазами, длинным кривым носом до самого подбородка, часто с очками на носу, с желтой или коричневой сморщенной кожей, с ковыляющей походкой и костылем в руке. Живет она в избушке, подпертой блинами, крытой пирогами и построенной из сладостей.

За этим верхним, более новым слоем и его многочисленными разновидностями вскрываются более древние периоды жизни яги. Русские сказки дают менее детальный и потому именно более древний образ яги — п р я х и. Старуха "лежит в избушке из угла в угол, нос в потолок" или "через грядку", впереди голова, в одном углу нога, в другом другая, или "на печи лежит баба-яга, ноги раскорячила из угла в угол, зубы на полку положила, а уши по земле волочатся", "голова на лавке — ноги в трубе". При этом у нее косяная нога. Внешний облик описывается очень редко: "сама смугла, а глаза как угли". Живет она всегда в лесу: "Стоит избушка на курьих ножках, об одном окошке на сыром говеши и вокруг вертится". Когда яга встает, то садится в ступу и на ней едет, "толчком подгоняет, помелом следы замечает". Главное ее занятие — "лен прядет, а нитки на воронцы держит", или "сидит и таёт", "шоуновый кужель мечеть, а нитки через грядки бросает", "прядёт шолковый кружель на золотое веретенцо", она попавшей к ней героине дарит "золотую прялочку, серебряно веретешечко", или задает "пряжи в короб", а также привести в порядок ее домашнее хозяйство. И функция этой яги двойственна. Она зла и страшна тем, кто ее не почитает, а добра и верный помощник обращающихся к ней почитательно. Как злая сила, яга преследует героя, умерщвляет красавицу, сосет ее груди, пытается погубить братьев и т.д. Как добрая сила, она поит, кормит героя, дает ему приют, ищет в голове, указывает путь, научает, как действовать, снабжает при бегстве конями и т.д. Этот древний пласт вскрывает перед нами старуху-пряху, существо могучее, но стоящее на такой стадии хозяйственной культуры, которая приближается к натуральному хозяйству, когда имеется дом,

домашнее хозяйство, домашний порядок, который должна наводить у яги героиня, и домашнее производство. По подчеркнутому моменту прядения или ткачества наша яга стоит в стадильной связи с греческими мойрами-парками, тем более что в русской сказке весьма обычно именно три яги.

Под этим древним пластом типа яги имеется возможность вскрыть еще более древнюю его стадию. По словацкой и русской сказкам яга живет в темной пещере в лесу, по белорусской — "в лесу на северной стороне, среди лютых морозов". Она может вызывать дождь или заставлять солнце светить. В белорусской сказке "когда она несется — земля трясется", она погоняет огненную метлою воздушные силы, которые приводят в движение ее ступу; когда она едет — земля стонет и ветры свищут. Она людоедка, похищает детей и пожирает всех попадающих к ней, поэтому натачивает зубы или язык. Яга-людоедка живет иначе, чем яга-пряха. У ней "забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами, вместо дверей, у ворот — ноги человеки, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами". По некоторым вариантам она пожирает души умерших. С этим стихийно мощным характером ее связывается обладание чудесными предметами. Она — владычица волшебных лесных кобылиц, мышей, лягушек, кота, собачки; у нее в распоряжении три магических всадника — белый (день), красный (солнце), черный (ночь); она стережет источник живой воды (лесную влагу) и прячет в кладовых медь, серебро и золото (металлы земных недр); она обладает волшебным прутом, превращающим все живое в камень, сапогами-скороходами, ковром-самолетом, гуслями-самогудами, мечом-самосеком, волшебным клубочком — указчиком пути. Она мастерица загадывать и разрешать загадки и т.п. Функция этой древней яги также двойственна: она и добрая и злая, смотря по обстоятельствам. Трудно сомневаться, что в образе яги-людоедки мы имеем следы верований в мифически божественный космический образ. Последний стадильно вполне аналогичен, например, такому еще в настоящее время живому образу, как эскимосская владычица моря — богиня Седна. Древняя яга, следовательно, есть богиня леса, мать зверей, которую как "лесную хозяйку" знают еще др.-индийские религиозные гимны Ригведы.

Наконец, тот факт, что баба-яга на всем протяжении своего развития выступает как безмужняя, не имеющая даже понятия о мужчине, позволяет предположить, что за слоем древней божественно-космической персонализации яги мы вправе видеть еще один наидревнейший, уже вполне реально-бытовой образ матриархальной владычицы-старухи, матери примитивного родового человеческого общества. За это говорят и такие реликты в сказке, как указание на полное непонимание ягой родственных связей, ибо она гонится за братом, чтобы его съест, и тот спасается у Солнцевой сестры (Аф., № 50).

Историческая многосложность образа бабы-яги породила о ней большой разнобой научных мнений. Во всяком случае старое мифологическое толкование (Афанасьев, Потебня) яги как символа зимы или небесных явлений в науке давно оставлено. В.Ф.Миллер видит в сказках о яге пережитки каннибализма. Не следует смешивать образ яги со сказочным образом злой мачехи, на которую переносятся часто черты яги.

Литература

Hans Vördemfelde. Die Hehe im deutschen Volksmärchen (Festschrift Eugen. Modk. Halle, 1924, 558-574); J. Polivka. Du surnaturel dans les contes slovaques (Revue des études slaves, II. 1992, 256-271); Bolte-Polivka. Anmerkungen zu den Kinder und Hausmärchen Br. Grimm, I, 1913, 207-227; Handwörterbuch des Märchens; А. Афанасьев. Русск. нар. сказки. № 58, А.Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий (чтения общ. Ист. и др. Росс., 1865, кн. III); Н.Бродский, Н.Гусев, Р.Сидоров. Русск. устн. словесность. Л. 1924, стр. 104.